

У древних стовратых Фив Нил расширяется. Цепи возвышенностей, окаймляющие реку с обеих сторон, принимают здесь более резкие очертания. Отдельные остроконечные пики возносятся над отлогим хребтом, состоящим из многоцветных небольших кряжей, где не растет ни одна пальма и не может пустить корни никакая, даже самая неприхотливая степная трава. Расселины и ущелья врезаются в горные хребты, за которыми тянется песчано-каменистая пустыня, враждебная всему живому, усеянная бесплодными утесами и холмами.

От восточного кряжа эта пустыня тянется до Красного моря, от западного — она безгранична. По поверью египтян, за нею начинается царство смерти.

Между этими двумя горными хребтами, которые, подобно твердыням, отражают волны сыпучих песков пустыни, течет многоводный Нил — благодатный поток, питающий миллионы жизней. По обоим берегам его тянутся широкие равнины плодородного чернозема, а в его глубинах кишат и плодятся чешуйчатые и броненосные обитатели разных видов. На зеркале воды плавают цветы лотоса, а в прибрежных зарослях папируса гнездится бесчисленное множество водяных птиц. Между Нилом и горами лежат поля — изумрудные или сияющие золотом жатвы. У колодцев растут тенистые сикоморы, заботливо выращиваемые финиковые пальмы образуют прохладные рощи. Почва, издавна напоенная разливами и удобренная речным илом, отличается от песчаной подошвы гор, как чернозем цветника от желтых песчаных дорожек сада.

В XIV столетии до н. э. в Фивах воздвигли дамбы и плотины — непреодолимые преграды для разливов реки, — чтобы защитить дворцы и дома города от наводнений.

От дамб внутрь страны были проложены перекрываемые каналы, питающие и фиванские сады.

На правом, восточном берегу Нила возвышались здания знаменитой резиденции фараонов. У самой реки стояли огромные яркие храмы града Амона, за ними, ближе к восточным горам, почти у самой их подошвы, отчасти уже на почве пустыни, были расположены дворцы царей и вельмож, а на тенистых улицах большие дома соседствовали с жилищами поменьше.

Пестрыми и оживленными были улицы цветущей столицы фараонов.

На западном берегу Нила взору открывалось совершенно иное зрелище. Здесь также было много величественных зданий, но если по ту сторону реки здания стояли скученно, а люди шумели и веселились, направляясь по своим делам, на этом берегу видны были отдельно стоящие великолепные здания, возле которых лепились маленькие дома и хижины, подобно детям, льнущим к своей матери.

Тому, кто всходил на гору и смотрел на эти дома сверху, казалось, что у его ног лежит большое число расположенных одна возле другой деревень с прекрасными домами господ, а человеку, глядевшему с равнины на восточный склон западных гор, были видны сотни запертых, стоявших то обособленно, то друг возле друга, ворот; их много было у подошвы холма, еще больше посредине его, а некоторые были расположены даже на значительной высоте.

И как непохожа была размеренная, почти торжественная жизнь этих поселений на пеструю суету другого берега! Там все было в движении, здесь же, на левом берегу реки, было тихо, казалось, какие-то чары сдерживали шаг путника, омрачали взгляды и прогоняли улыбку со всех губ.

Однако же и здесь виднелось много разукрашенных барок, довольно часто раздавалось пение, и большие торжественные процессии направлялись к горе. Только эти нильские суда привозили мертвых, раздававшиеся здесь песнопения были похоронными гимнами, а торжественные процессии сопро-

вождали саркофаги к месту захоронения. Это была территория Города мертвых.

Но и здесь присутствовала жизнь: мертвецы для египтянина не умирали. Он закрывал им глаза, переносил их в некрополь, в дом бальзамировщика, то есть колхита, совершал обряд погребения, но знал, что душа умершего продолжает свое существование, что она, очищенная, безгрешная, странствует по небу в солнечной барке и, как Осирис, может являться на землю в том образе, который ей угоден, и, так или иначе, влиять на существование живых. Поэтому египтяне заботились о достойном погребении своих покойников, в особенности же о надежном бальзамировании тел, а в установленном жрецами время приносили в жертву животных и домашних птиц, напитки, благовония, фрукты и цветы.

Погребения и обряды жертвоприношений не могли обойтись без служителей божества, и тихий Город мертвых считался удобным местом для учебных заведений и обителью мудрецов.

В храмах, расположенных на земле некрополя, жили большие общины жрецов, а вблизи домов для бальзамирования обитали многочисленные колхиты, ремесло которых передавалось по наследству, от отца к сыну.

Кроме того, здесь было много складов и лавок, где продавались каменные и деревянные саркофаги, полотняные ленты для обертывания мумий и амулеты для их украшения, разные пряности и благовония, цветы, фрукты, овощи и лепешки. Олени, газели, козы, гуси и другая домашняя птица выкармливались на огороженных пастбищах, и провожавшие покойников люди направлялись туда, чтобы найти там нужных им, чистых, по уверениям жрецов, жертвенных животных и снабдить их священной печатью. Многие покупали на бойнях только куски мяса. А для бедняков все эти лавки были и вовсе недоступны. Они покупали лепешки в форме животных, символически изображавших собою слишком дорогих для них птиц и баранов, приобретение которых было беднякам не по карману. В самых богатых лавках сидели служители

жрецов, принимавшие заказы на папирусные свитки. На эти свитки в особых помещениях храма наносили священные тексты, которые душа умершего должна была произнести, чтобы отогнать духов преисподней, отворить для себя врата подземного мира и предстать перед Осирисом и сорока двумя членами загробного судилища.

Происходившее в храмах оставалось невидимым для посторонних, так как каждый храм был окружен высокой стеной, а главные ворота, тщательно запертые, отворялись только тогда, когда, рано утром или вечером, оттуда выходили жрецы для пения священных гимнов Гору и Туму, то есть богу восходящему, в виде младенца, и богу нисходящему, в виде старца¹.

Как только раздавалась вечерняя песнь жрецов, Город мертвых пустел: все сопровождавшие покойников, все посетители гробниц должны были оставить некрополь. Большие толпы людей, прибывшие из Фив на западный берег в составе торжественных процессий, спешили в беспорядке на берег реки — их подгоняли сторожа, которые дежурили поочередно круглые сутки, охраняя могилы, в том числе и от хищников. Торговцы запирали свои лавки, колхиты и ремесленники заканчивали дневную работу и отправлялись по домам, жрецы возвращались в храмы, постоялые двory наполнялись гостями, стекавшимися сюда издалека и предпочитавшими переночевать в соседстве с умершими, для посещения гробниц которых они явились, чем по ту сторону, в шумном городе.

Голоса певцов и плакальщиц умолкали, даже пение гробцов на многочисленных устремлявшихся к восточному берегу лодках мало-помалу замирало, вечерний ветер разносил только отдельные звуки, и наконец все стихало.

---

¹ Ход дневного светила считали подобным человеческой жизни. Солнце восходило как дитя (Гор), в полдень оно становилось героем (Ра), а на закате превращалось в старца (Тум). Из мрака произошел свет, поэтому Тум считался старше Гора и других богов света. *(Здесь и далее примеч. автора.)*

Над безмолвным Городом мертвых безоблачное небо только иногда омрачалось легкой тенью — в свои пещеры и расщелины в скалах возвращались летучие мыши, которые каждый вечер летали к Нилу, чтобы ловить там мошек, пить и разминать крылья перед дневным сном. Время от времени по светлой почве скользили черные фигуры, отбрасывая длинные тени: это были шакалы, которые в этот час утоляли жажду на берегу реки и часто целыми стаями без страха показывались возле загоронок для гусей и коз.

Было запрещено охотиться на этих ночных хищников, так как они считались священными животными бога Анубиса, стража могил¹, и не были особо опасны, потому что находили обильную пищу в Городе мертвых.

Они пожирали куски мяса на жертвенниках, к удовольствию приносящих жертвы, которые на другой день, видя, что мясо исчезло, убеждались, что оно было признано годным и принято жителями преисподней. Они также оказывались хорошими сторожами, так как делались опасными врагами каждого непрошеного посетителя, который под покровом тьмы пытался проникнуть в гробницу.

Так и в один из вечеров 1352 года до н. э., после смолкнувшего вечернего гимна жрецов, в Городе мертвых наступила тишина. Стражи уже завершали свой первый обход, как вдруг в северной части некрополя громко залаяла собака, за ней — вторая, третья... Начальник стражников остановил своих людей и, так как лай становился все более ожесточенным, приказал им двигаться в том направлении.

Небольшая группа стражей дошла до высокой плотины, тянувшейся вдоль западного берега канала, который отходил

---

¹ Бог Анубис, изображавшийся с головой шакала, — сын Осириса и Нефтиды, шакал — его священное животное. Он стоял, как считали еще в очень древние времена, у ворот подземного царства. Анубис руководил бальзамированием, сохранял тела умерших, стерег некрополь и указывал путь душам усопших. Согласно Плутарху, он «должен был служить богам стражем, как собака людям».